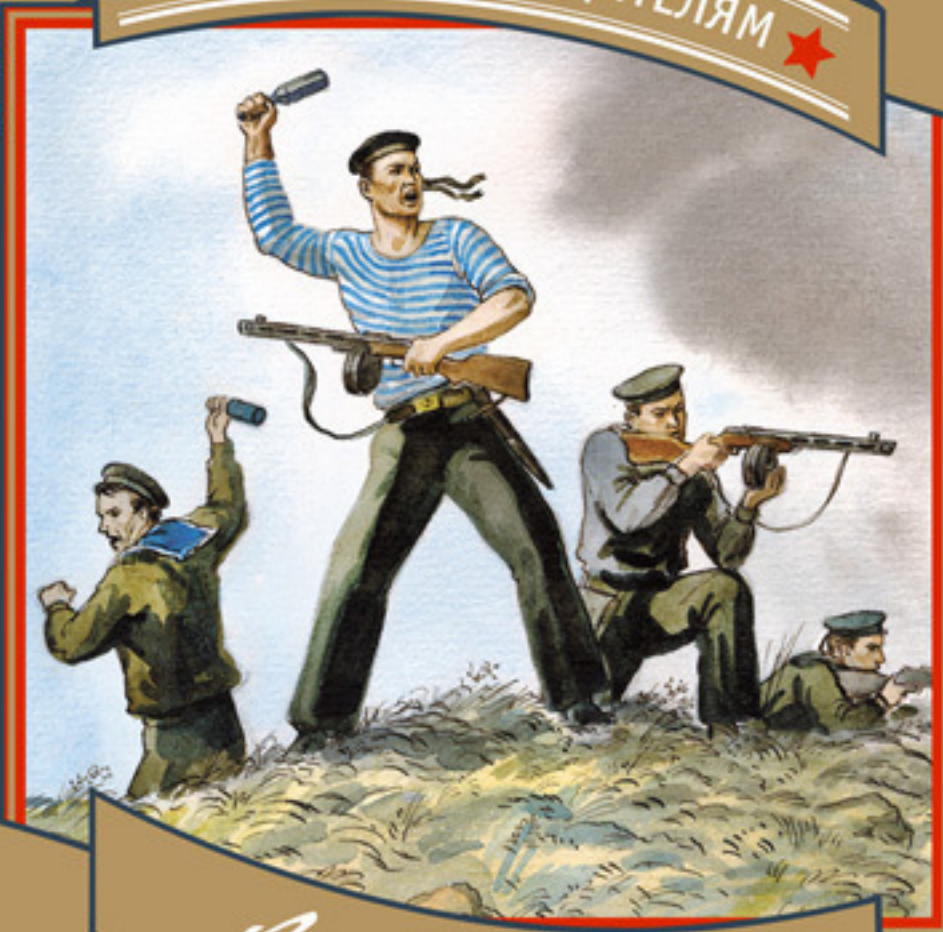

★ ПОКЛОН ПОБЕДИТЕЛЯМ ★

Леонид Соболев

БАТАЛЬОН ЧЕТВЕРЫХ

Л

Поклон победителям

Леонид Соболев

Батальон четверых (сборник)

Издательство «Детская литература»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-31

Соболев Л. С.

Батальон четверых (сборник) / Л. С. Соболев — Издательство
«Детская литература», 2015 — (Поклон победителям)

ISBN 978-5-08-005381-8

В книгу вошли избранные рассказы писателя-мариниста Леонида Соболева (1898–1971) из книги «Морская душа» и очерки из книги «Дорогами побед» о героических матросах Черноморского флота, об обороне Крыма и освобождении Севастополя от фашистских захватчиков. Книга выходит в серии «Поклон победителям», выпуск которой приурочен к празднованию 70-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-31

ISBN 978-5-08-005381-8

© Соболев Л. С., 2015
© Издательство «Детская
литература», 2015

Содержание

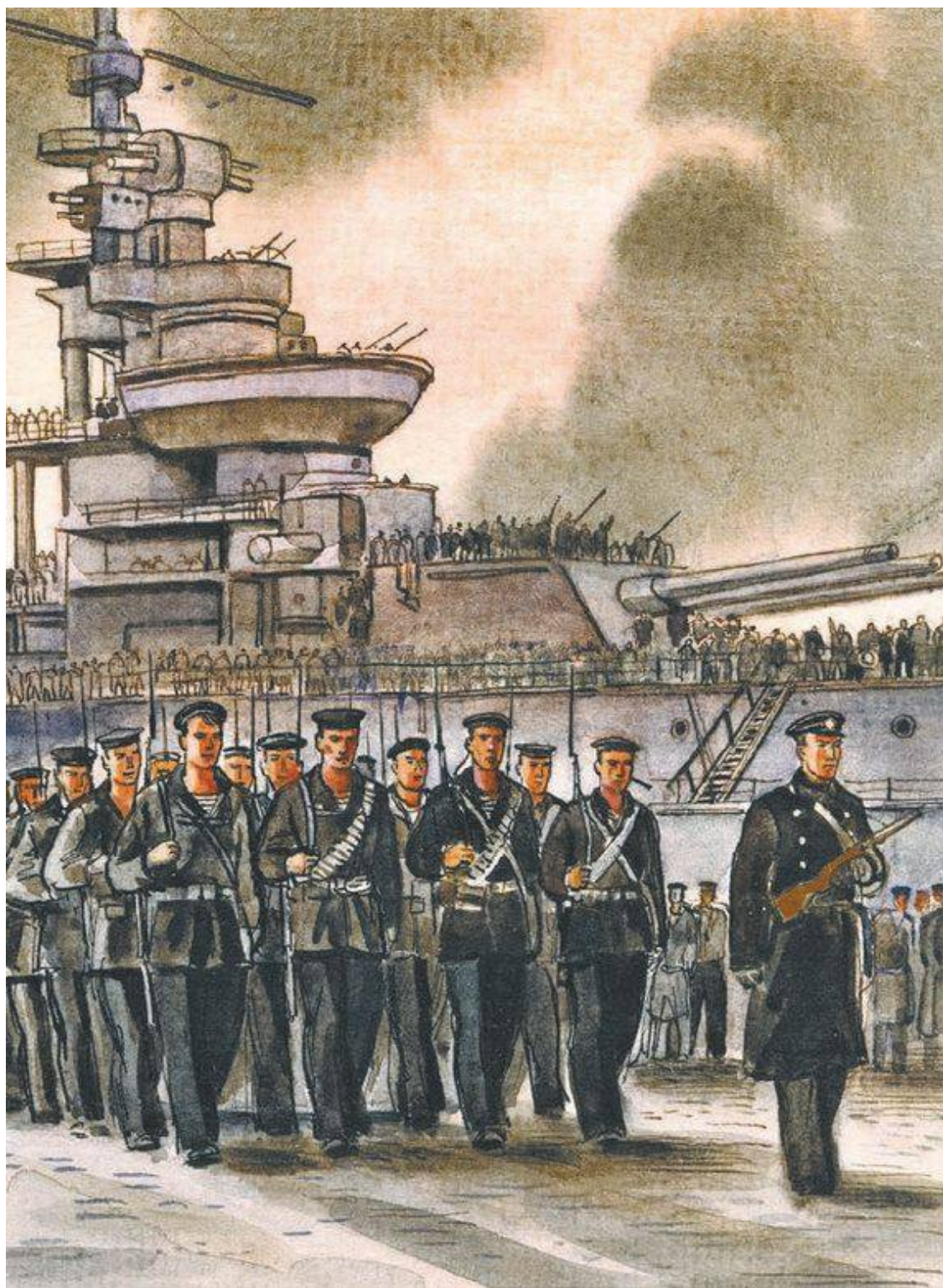
Морская душа	7
«Чёрная туча»	10
Разведчик Татьян	19
Батальон четверых	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Леонид Сергеевич Соболев
Батальон четверых. Рассказы и очерки

© Алексеев В. Ф., иллюстрации, 1988

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2015

* * *

Морская душа (Из фронтовых записей)

Шутливое и ласкательное это прозвище краснофлотской тельняшки, давно бытовавшее на флоте, приобрело в Великой Отечественной войне новый смысл, глубокий и героический.

В пыльных одесских окопах, в сосновом высоком лесу под Ленинградом, в снегах на подступах к Москве, в путаных зарослях севастьяпольского горного дубняка – везде видел я сквозь распахнутый как бы случайно ворот защитной шинели, ватника, полушубка или гимнастёрки родные сине-белые полоски «морской души». Носить её под любой формой, в которую оденет моряка война, стало неписаным законом, традицией.

И как всякая традиция, рождённая в боях, «морская душа» – полосатая тельняшка – означает многое.

Так уж повелось со времён Гражданской войны, от орлиного племени матросов революции: когда на фронте нарастает опасная угроза, Красный флот шлёт на сушу всех, кого может, и моряки встречают врага в самых тяжёлых местах.

Их узнают на фронте по этим сине-белым полоскам, прикрывающим широкую грудь, где гневом и ненавистью горит гордая за флот душа моряка, – весёлая и отважная краснофлотская душа, готовая к отчаянному порой поступку, не знакомая с паникой и унынием, честная и верная душа большевика, комсомольца, преданного сына Родины.

Морская душа – это решительность, находчивость, упрямая отвага и неколебимая стойкость. Это весёлая удаль, презрение к смерти, давняя матросская ярость, лютая ненависть к врагу. Морская душа – это нелицемерная боевая дружба, готовность поддержать в бою товарища, спасти раненого, грудью защитить командира и комиссара.

Морская душа – это высокое самолюбие людей, стремящихся везде быть первыми и лучшими. Это удивительное обаяние весёлого, уверенного в себе и удачливого человека, немножко любующегося собой, немножко пристрастного к эффектности, к блеску, к красному словцу. Ничего плохого в этом «немножко» нет. В этой приподнятости, в слегка нарочитом блеске – одна причина, хорошая и простая: гордость за свою ленточку, за имя своего корабля,

гордость за слово «краснофлотец», овеянное славой легендарных подвигов матросов Гражданской войны.

Морская душа – это огромная любовь к жизни. Трус не любит жизни – он только боится её потерять. Трус не борется за свою жизнь – он только охраняет её. Трус всегда пассивен – именно отсутствие действия и губит его жалкую, никому не нужную жизнь. Отважный, наоборот, любит жизнь страстно и действенно. Он борется за неё со всем мужеством, стойкостью и выдумкой человека, который отлично понимает, что лучший способ остаться в бою живым – это быть смелее, хитрее и быстрее врага.

Морская душа – это стремление к победе. Сила моряков неудержима, настойчива, целеустремлённа. Поэтому-то враг и зовёт моряков на суше «чёрной тучей», «чёрными дьяволами».

Если они идут в атаку – то с тем, чтобы опрокинуть врага во что бы то ни стало.

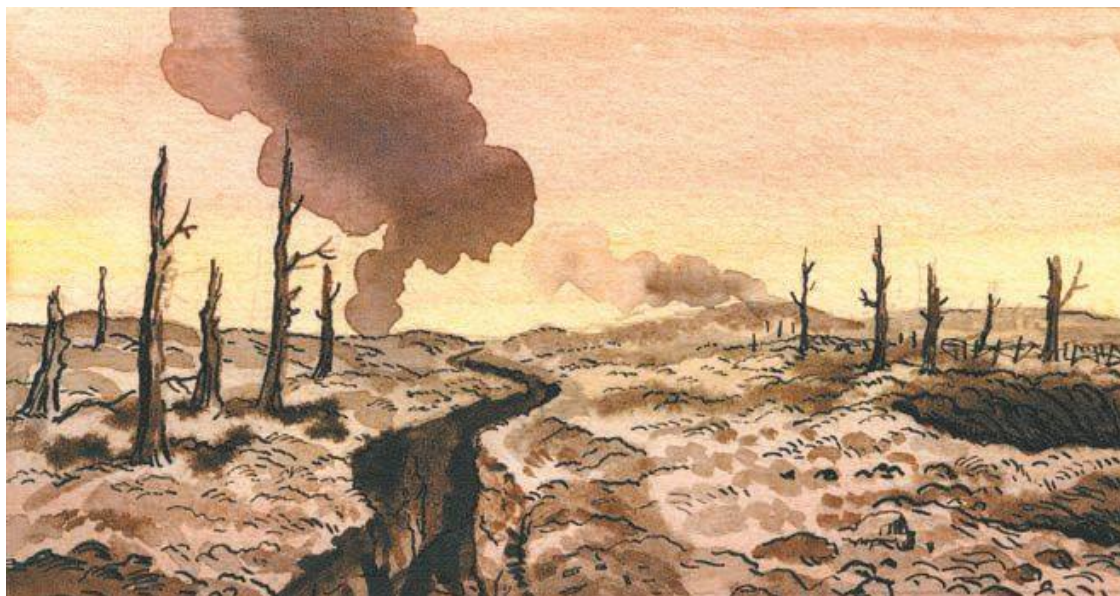
Если они в обороне – они держатся до последнего, изумляя врага немыслимой, непонятной ему стойкостью.

И когда моряки гибнут в бою, они гибнут так, что врагу становится страшно: моряк захватывает с собой в смерть столько врагов, сколько он видит перед собой.

В ней – в отважной, мужественной и гордой морской душе – один из источников победы.
1942

«Чёрная туча» (Из фронтовых записей)

Бой ушёл вперёд.

Он гремел теперь далеко в степи, и сюда доносилось лишь приглушённое ворчание разрывающихся мин и снарядов. Над опустевшими окопами, вырытыми в агротехнической посадке вдоль ровной аллеи, лёгкий ветерок чуть шевелил деревья, вернее, огрызки деревьев.

Тонкие их стволы были срезаны, расщеплены или белели ранами сорванной коры, ветви – надломлены, обгрызены, посечены. Листья, пробитые и надорванные, преждевременно пожелтели. Изуродованная зелень молчаливо свидетельствовала о том, *что* вытерпели люди, укрывшиеся под ней в неглубоких своих окопах. Две недели свистел в этой рощице металлический вихрь, две недели рвались здесь мины, снаряды, авиабомбы, густыми роями летели пули – и когда-то высокие и пышные акации превратились в низкий общипанный кустарник.

Две недели бились здесь черноморские моряки, сошедшие с кораблей для смертельного боя с фашизмом.

Это были два батальона Первого морского полка. В начале осады Одессы его сформировал и повёл в бой командир Одесского военного порта полковник Осипов, старый моряк, матрос с «Рюрика» и «Гангута», который в Гражданской войне бился в Первом кронштадтском экспедиционном отряде и командовал матросским отрядом на Волге. Новый полк в первом же бою отбросил румын от ближних подступов к городу и захватил эту посадку у колхоза Ильичёвка. Она была очень важна: во-первых, она закрывала врагу подход к высоте, выгодной для обстрела Одессы; во-вторых, отсюда в своё время, с прибытием подкреплений, командование рассчитывало начать новый удар.

Это отлично понимали и осаждающие. На два батальона моряков, державших посадку, румыны бросили целую дивизию – два пехотных и один артиллерийский полк. Посадка оказалась в фактическом окружении: спереди, сзади, слева и справа были румыны, и только высокая кукуруза, протянувшаяся к железнодорожному полотну, где оборонялась остальная часть

полка, была единственной дорогой, по которой ночами подтаскивали морякам цинки¹ с патронами, мины, пищу и воду. И по этой же кукурузе не раз пробирался к своим бойцам полковник Осипов, чтобы осмотреть позицию, распорядиться насчёт отражения очередной атаки и, кстати, побеседовать по душам.

– Окружением маленьких пугают, – говорил он своим глуховатым негромким голосом, переживая разрывы мин и снарядов. – Поглядите, как вы тут ладно устроились: посадочка-то ваша углом идёт. Полезут румыны с тыла, внутрь угла попадут – будете их с двух сторон бить. Справа навалятся – левая посадка фланговым огнём их положит. Слева сунутся – правая так же будет во фланг косить. Ну а если чёрт их понесёт на самый уголок, тут у вас полная мощь огня, понятно?.. За такую посадку денежки платить можно. Ваше дело – не зевать, высматривать, откуда полезли. Крепче держитесь, товарищи, по-флотски держитесь!.. Скоро эту посадочку оставим, вперёд пойдём. Не на мёртвый же якорь тут стали!

И моряки держались. Ежедневными атаками враг пытался сломить их сопротивление. Две недели подряд одна за другой накатывались волны атакующих румын (в иную атаку до восьми волн) – и разбивались о твёрдость и мужество краснофлотцев, как о скалу.

Грудами трупов, наваленных друг на друга, эти волны так и застыли у окопов неопровержимым доказательством краснофлотского мужества и стойкости. Пули, остановившие их на бегу, были у них во лбу, в сердце, в груди – точные, прицельные пули спокойного морского огня. Убитые лежали без оружия: оно попало в руки моряков, и солдаты, лежавшие сверху недвижимой этой груды, были повалены пулями из румынских же автоматов и пулемётов, принесённых сюда накануне теми, кто лежал внизу.

Только полсотни шагов отделяло убитых от посадки. Так учил своих бойцов полковник Осипов:

– Не нервничай, ближе подпускай. Они в атаке орут, поливают из автоматов, на психику берут, вон как вчера шагали – в восемь рядов, с музыкой и иконами: нам, мол, всё нипочём!.. А вы их тоже на психику берите: топай, мол, топай, а я обожду, когда у тебя гайки начнут отдаваться... Молчите и ожидайте. Пусть на предыдущих ораторов полюбуются: тоже на мораль действует, экое кладбище навалено!.. Вот когда так подойдут, что их карточки рассмотришь, когда глаза их увидишь, а в них страх, тогда и бей в лоб. Веселее будет: одного повалишь – десять сами назад побегут...

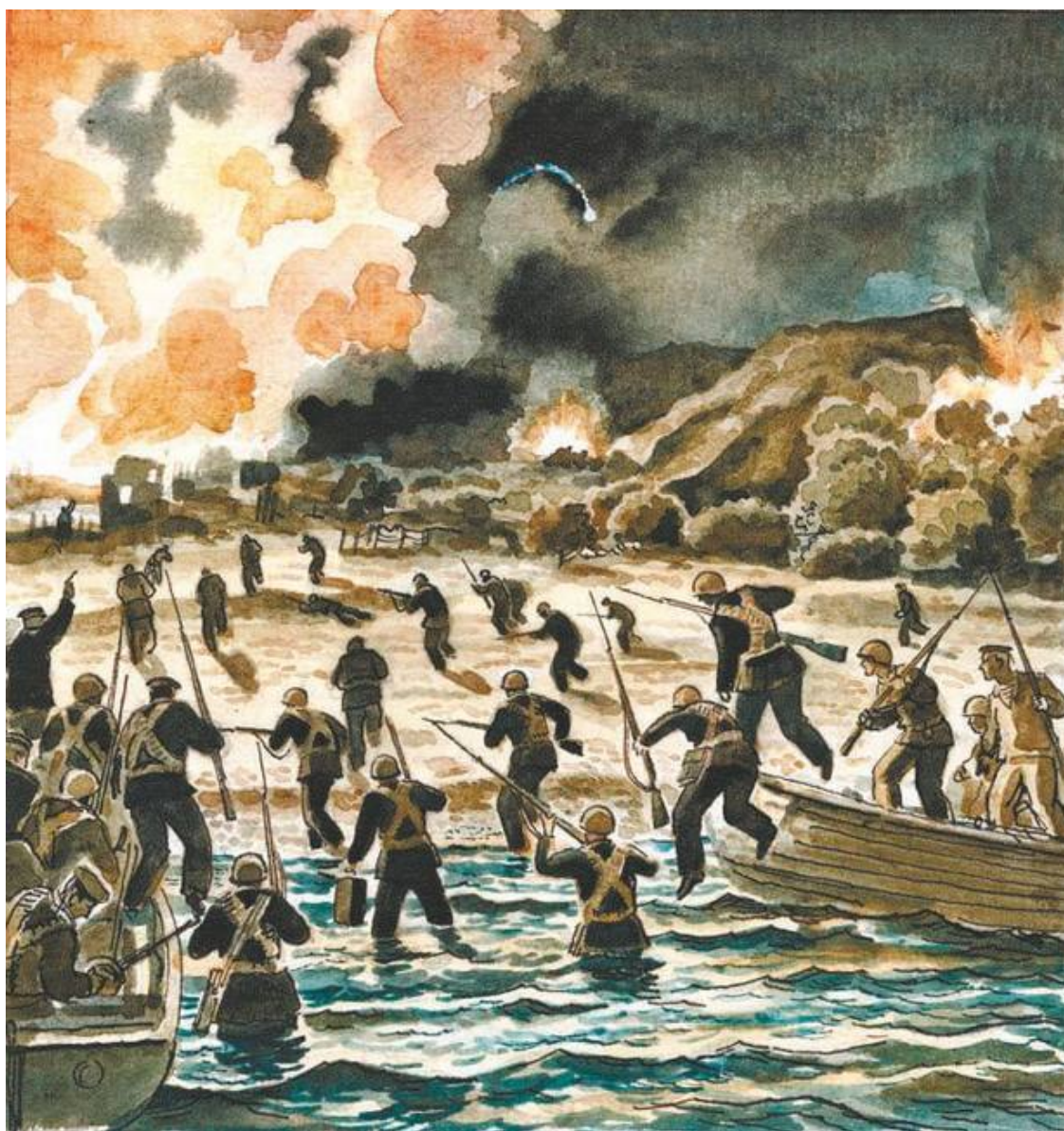
И сидели моряки под срезанными начисто ветками, часами выдерживая бешеный миномётный и артиллерийский огонь, предвестник атаки, сидели и под диким ливнем автоматического огня наступающих румын. Сидели, «не нервничая», молча давая атакующим дойти до груды трупов и понять, что тут – смертный рубеж, которого не перейти, что так же, как и сегодня, шли на эту посадку вчера, и позавчера, и неделю назад другие роты и батальоны. И небритые лица румын, уже перекошенные страхом подневольной атаки, впрямь искажались ужасом перед грозным молчанием морских окопов, таящим смерть, перед выдержкой и мужеством «чёрных комиссаров».

«Чёрные комиссары», «чёрная туча», «чёрные дьяволы» – так прозвали румыны краснофлотцев морских полков. Моряки пошли с кораблей в бой в чём были – в чёрных брюках и бушлатах, в чёрных бескозырках. Такими они и запомнились румынам при первых встречах, когда, подпустив их вплотную к окопам, моряки встретили их яростным и точным огнём, когда, словно вой шторма, пронеслись по полю и свист, и крик, и издевательское улюлюканье, когда чёрные высокие фигуры замелькали в зелени посадки в бешеной контратаке и нельзя было ни автоматами, ни пулемётами остановить их неудержимый бег, когда внезапной угрозой вставали над жёлтой кукурузой чёрные бескозырки и могучие руки в чёрных рукавах бушлата заносили над грудью острый и быстрый штык...

¹ Цинка – цинковая коробка (обычно для хранения патронов).

С первых этих встреч многое изменилось во внешнем виде морской пехоты: краснофлотцев переодели в защитную форму. Но часто, взлетая на бруствер окопа, словно на трап по тревоге, быстрым морским прыжком, моряки вытаскивали откуда-то из-за пазухи флотскую бескозырку, и чёрные фуражки опять мелькали в кукурузе наводящим ужас видением «чёрной тучи» – нетерпеливой, грозной силы, устремлённой лишь к одному: разбить и уничтожить врага.

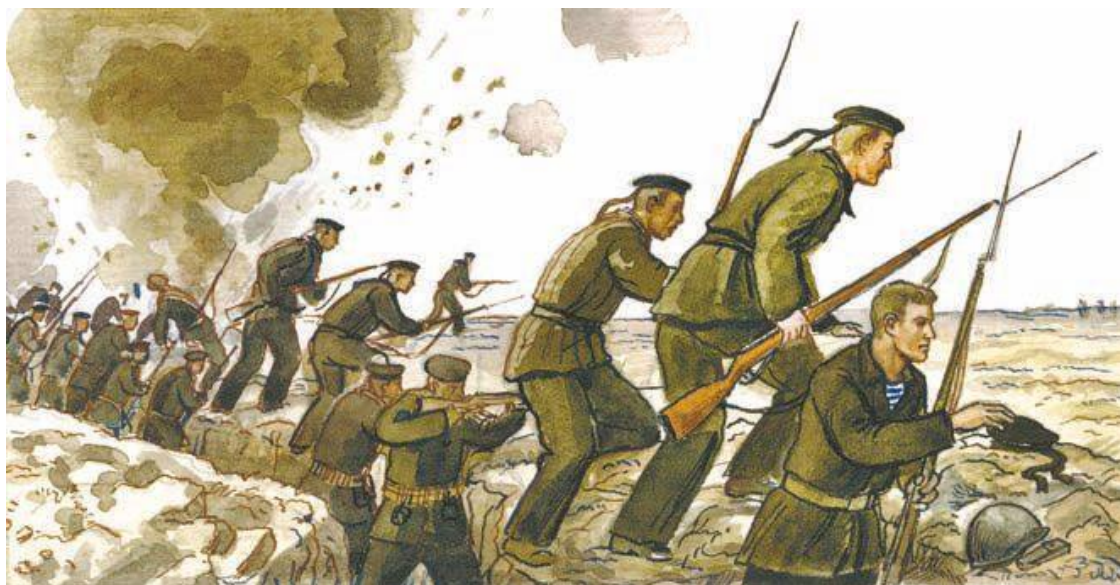
Таковыми запомнили моряков румыны. Нам же, кто видел и помнит прежние бои за революцию, знакомо и это мелькание бескозырок в зелени кустов, знакомы и ленточки, развевающиеся в атаке. Как будто вставали из боевых своих братских могил матросы, дравшиеся и в степи, и в лесу, и на конях, и на бронепоездах – везде, куда посылали их революционный народ и партия; как будто воскресло орлиное племя матросов революции: тот же дух, то же боевое упорство, натиск и смелость, то же презрение к смерти, весёлость в бою и ненависть к врагам. Пусть эти, новые, моложе, пусть за плечами у них нет долгих лет царской службы, школы ярости и гнева, но это – одно племя, одна кровь, одна мужественная семья моряков, какие бы имена кораблей ни сверкали на их ленточках и с какого бы моря ни сошли они на сушу бить врага – с Чёрного ли, с Балтийского ли, с Тихого или с Ледовитого океанов.

На берегу они сохраняют в своих бригадах и полках ту же сплочённость и боевую дружбу, которая рождается только кораблём. Корабль, где люди живут, учатся, спят, бьются в бою и гибнут рядом – локоть к локтю, сердце с сердцем, необыкновенно сближает людей, связывает их прочной личной привязанностью и создаёт из них монолитный коллектив.

И это свойство моряков – быть в коллективе, гордиться именем своего батальона, как именем корабля, – сказывается и в окопе, и в атаке, и в разведке. Разные люди с разных кораблей сошлись в батальоне, но, глядишь, через недельку этот окоп или блиндаж напоминает кубрик. Уже появились ласково-грубоватые прозвища, уже летают свои, понятные только здесь шутки. Уже всем известно, что Васильев с «Червонной Украины» – спец по ночной разведке, а Петров с «Беспощадного» – отличный снайпер, что старшина роты, комендор с «Ворошилова»², человек очень горячий и что в атаке за ним надо присматривать и в случае чего выручать: того и гляди, полезет один против десяти и погибнет зря из-за своего характера. Уже все знают, что нет в полку лучшего миномётчика, чем Иванов с тральщика. Не тот Иванов из авиабригады, который пристрелил мотоциклиста и рванул дальше на его машине, и не тот Иванов с канлодки³, что пошёл ночью в кукурузу оправиться, а вернулся с двумя румынами: напоролся на разведчиков, одного стукнул по голове, другой же сам лапки кверху, – а тот Иванов, у которого усы и который играет на баяне...

И каждый из моряков с восхищением и почтительной завистью к отваге будет целый час рассказывать вам о своём полковнике, о его шутках, о его личных подвигах, о его легендарной машине, пробитой осколками и прошитой пулемётными очередями, на которой он подлетает к окопам, словно на катере к парадному трапу. С любовью, как о близком друге, расскажут вам моряки о военкоме полка Владимире Митракове, о том, как видели его всегда рядом с собой в самых опасных местах, как обучал он моряков стрельбе из трофейных автоматов, как пробирался он к окружённым подразделениям, неся с собой волю к победе, весёлую шутку и дружеское, тёплое слово, и как провожали его, раненого, в тыл, как ждут его обратно – всем полком – и какую встречу ему готовят.

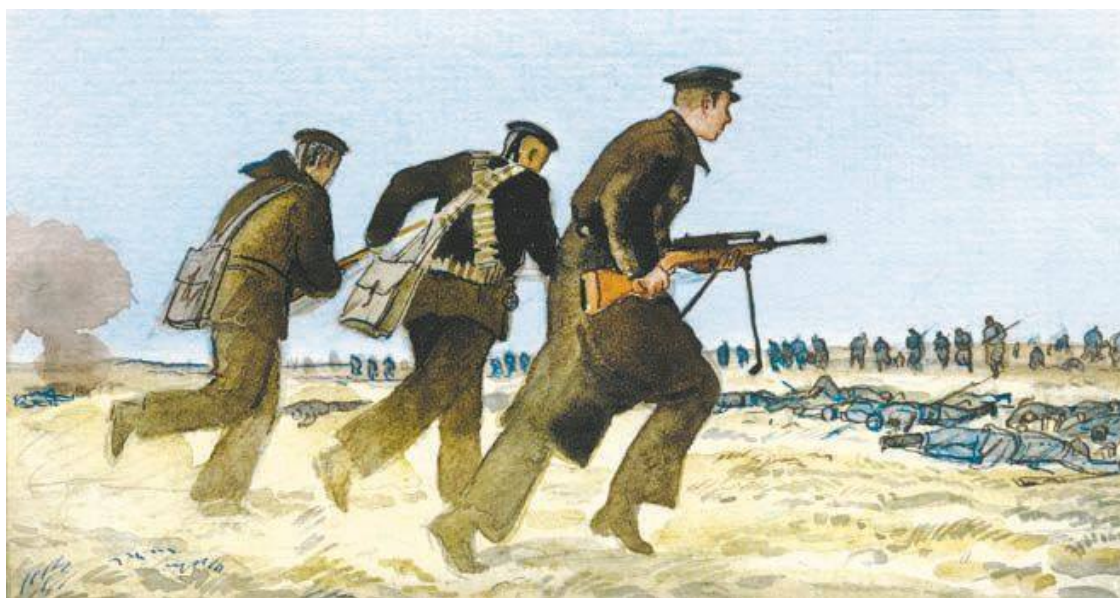

² «Червона Украина» («Красная Украина») – крейсер на Черноморском флоте, «Беспощадный» – эсминец на Черноморском флоте, комендор – морской артиллерист, «Ворошилов» – крейсер на Черноморском флоте.

³ Канлодка – канонерская лодка, небольшой военный корабль с несколькими орудиями для действия вблизи берегов.

Посидите с моряками вечеров в окопе – и вся жизнь нового коллектива, этого корабля на суше, встанет перед вами во всей её суровой и весёлой простоте, в шутках и подначках, в уважительных отзывах о храбрейших, в мужественной скорби по погибшим товарищам, и во всяком взводе увидите вы неразлучных друзей, из которых каждый отдаст жизнь за нового своего друга, «корешка» или «годка»...

И если в такой коллектив попадает молодой человек, не видевший ранее ни корабля, ни моря, он впитывает в себя этот мужественный дух, традиции и боевые навыки, эту присущую морякам гордость за свой корабль (или батальон) и желание сделать его лучшим, красивейшим, храбрейшим. Молодого человека смущает, что не может он, подобно товарищам, надеть в бой драгоценную ленточку с именем своего корабля, что в беседах между атаками никак не назвать ему тех, с кем он плавал, кто командовал его кораблём, кто был на нём комиссаром. Но тем более хочется ему доказать этим особенным людям, понимающим друг друга с полуслова, полужеста, что и он достоин войти в их тесную и смелую семью. И он идёт в бой впереди других, уходит в опасную разведку, кидается один на десяток врагов. Он хочет завоевать право не опускать глаз перед этими мужественными, простыми и веселыми друзьями-моряками.

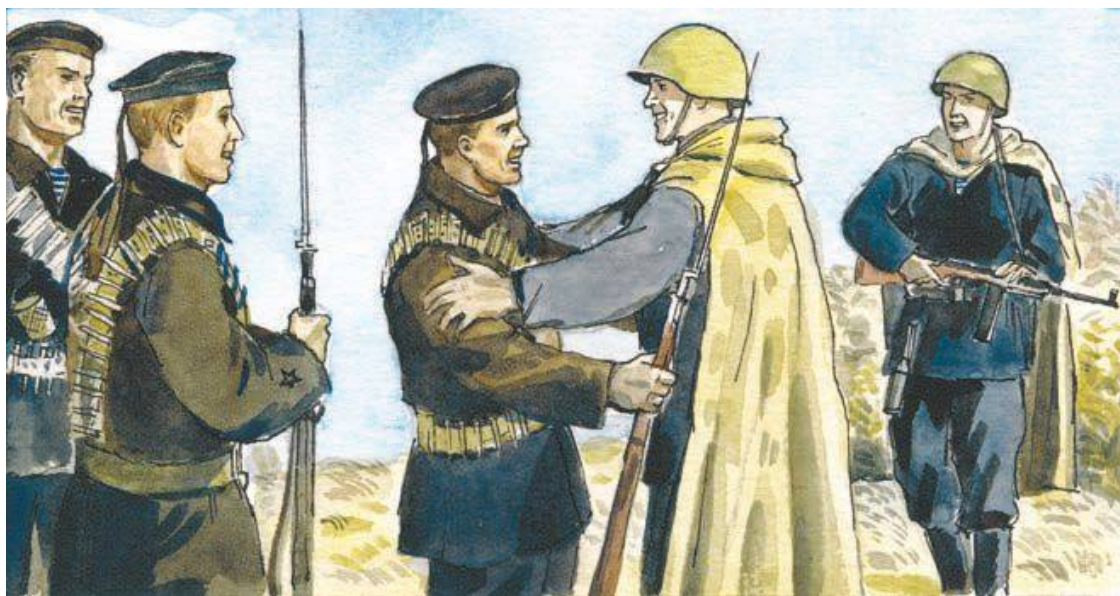
Так получилось и с молодым севастопольским пареньком Юрием Меем. В Третий морской полк, сформировавшийся в Севастополе, он пришёл добровольцем, не служив ещё на флоте. В конце сентября крейсер с десантом подошёл ночью к Одессе; моряки в темноте погрузились на баркасы и погребли к берегу, в тыл румынам. Вместе с остальными Мей спрыгнул по грудь в холодную воду и так же, как остальные, не почувствовал холода (моряки потом говорили: «Холодная вода, понятно... Но очень тогда азартно было, не замечали...»). В темноте взвод его ворвался в прибрежную деревню, напоролся там на тяжёлые орудия, перестрелял и переколот немецких артиллеристов. Так провёл Мей ночь, день и ещё ночь в яростном бою – в первом своём бою.

Удар десантного полка во фланг румынам в сочетании с лобовой атакой батальонов Первого морского полка (покинувших наконец для этого свою знаменитую посадку у Ильичёвки) отбросил врагов на несколько километров. Моряки заняли новые позиции, расположившись в недавних румынских окопах, повернув их фронт к врагу. Напор моряков освободил Одессу и порт от обстрела тяжёлой немецкой батареей. Орудия были отправлены в город, и каждую пушку провезли по улицам с выразительной надписью, выведенной белой краской на чёрном длинном стволе: «Она стреляла по Одессе, больше не будет».

Немецко-румынские фашисты решили вернуть потерянные ими выгодные позиции. Удар за ударом, атака за атакой, тысячи мин и снарядов посыпались на Третий полк. Враги пытались подавить его сопротивление количеством: утром 29 сентября на окопы, где был один третий батальон этого молодого полка, двинулось до полутора тысяч румын.

Автоматчики их ещё в темноте подкрались к окопам на семьдесят метров и с началом атаки открыли огонь, держа моряков в земле и не давая поднять головы. Моряки, как обычно, подпустили атакующих поближе и скосили первую волну. Трое краснофлотцев – Димитриенко, Вчерашний и Лисьев – выскочили из окопов, закололи автоматчиков в кукурузе и их же оружием стали бить во фланг следующей цепи румын, пошедшей в атаку.

В окопе сперва не заметили, что вслед за этими тремя выскочил и Мей. Он залёг с винтовкой в кукурузе, стреляя вдоль румынской цепи. На него, прячась за копнами, пошло до шестидесяти румын со станковым пулемётом. Мей поднялся во весь рост, швырнул две гранаты, отбил пулемёт. Он быстро повернул его и погнал им все шесть десятков солдат назад. Увлёкшись этим, Мей перетаскивал пулемет все дальше и дальше вперед, кося им откатывающихся румын... И хорошо, что командир роты заметил это и выслал к Мею ещё семерых моряков, иначе он был бы отрезан от своих.

Так доброволец Юрий Мей вошёл в боевую семью Третьего морского полка, и никто уже больше не спрашивал его с дружеской насмешкой, с какого он корабля и какой специальности, и представили мне его так: «Который с чужим пулемётом в отдельном плаванье был...»

В этом же бою произошло то, что командир батальона старший лейтенант Торбан, смеясь, назвал «стихийной контратакой».

Батальон отражал одну атаку за другой. Сильный автоматный огонь сменялся миномётным, потом снова надвигались цепи румын. Поднять людей в контратаку под этим огнем, прижимавшим к земле, Торбану казалось делом трудным, и он медлил, выжидая хоть какой-нибудь передышки. Но далеко от командного пункта, в девятой роте, командир отделения Вялов, пригибая голову под роем свистящих пуль, повернулся к командиру роты Степанову:

– А что, товарищ лейтенант, если самим на них кинуться?.. Прямо же терпения никакого нет, до чего хлещет... Может, ударить – драпанут?

И в огонь, которого, казалось бы, не могут выдержать человеческие нервы, выскочили из окопа во весь рост сразу трое: Вялов, Степанов и услышавший этот разговор пулемётчик с канлодки Соболев. За ними, как один человек, тотчас кинулась вперёд вся девятая рота.

Увидев это, поднялась и соседняя – седьмая. За ней – первая. Боевой порыв шквалом поднял моряков и в соседнем, втором батальоне. «Чёрная туча» ринулась на атакующих румын и, спотыкаясь о вражеские трупы, наваленные перед окопами, покатила неуправляемой страшной лавиной. Румыны дрогнули и побежали назад...

– Ну и дали они ходу – узлов⁴ на тридцать! – рассказывал потом лейтенант Степанов, оживлённо взмахивая верёвочными вожжами (он взялся самолично доставить меня в соседний Первый морской полк на скрипучей мажаре⁵, запряжённой парой отбитых у румын коней). – Попрыгали сперва в свои окопы, а мы сбоку налетели, перекололи порядком, кто не поспел выскочить. Остальных гнали, гнали, восемь километров гнали, пока краснофлотцы не притомились... Тпру, чёрт!.. Извините, правый мотор отказал, – перебил он себя и спрыгнул с мажары, чтобы освободить заднюю ногу лошади от вожжи (лейтенант до зачисления в полк командовал торпедным катером).

Этот бой дал огромное количество трофеев: две тяжёлые немецкие батареи, державшие порт и город под обстрелом, автоматы, пулемёты, винтовки, миномёты, танки, зенитки... В новых окопах у каждого моряка Первого и Третьего полков рядом с родной трёхлинейкой лежал теперь заработанный в бою автомат или пулемёт, выставив из зелени посадки свой чёрный ствол и поджидая бывших хозяев. В Первом полку, куда привёз меня Степанов, полковник Осипов как раз и уточнял количество трофеев.

– Да это я слышал, сколько вы сдали в трофейную комиссию. Вы мне скажите, сколько себе оставили? – добивался он от майора, командира первого батальона.

Майор конфузливо отводил глаза и убедительно прижимал руку к груди.

– Да самую малость, товарищ полковник, пустяки...

– Ну всё-таки? Не отниму же я у вас!

– Как сказать... прошлый раз шестнадцать автоматов во второй батальон взяли?..

– Взял, потому что те только на миномёты напоролись... Вам же три их миномёта прислал. Ну, начистоту – сколько?

Майор томился. Полковник Осипов оглядел посадку. В зелени стояло штук тридцать трофейных ящичков с минами. Он открыл крышку первого. Но там вместо мин оказалась белая пышная курица, в другом – кролик. Он, моргая, смотрел на полковника, и тот рассмеялся. Рассмеялся и майор, а за ним засмеялись и краснофлотцы – пыльные, перемазанные землёй (они подправляли румынские окопы).

– Румынское хозяйство, – пояснил майор. – Двенадцать кроликов, четырнадцать кур и один петух... Тоже прикажете в комиссию сдать, товарищ полковник?

За трофейной яичницей в бывшем офицерском блиндаже, когда разговор пошёл неофициальный, майор наконец признался, что в батальоне насыщенность автоматным и пулемётным огнём, по его мнению, теперь достаточная и что штук двадцать можно передать молодому Третьему полку. Полковник Осипов усмехнулся.

– Ну то-то... Только им не надо: они сами нам тридцать штук предлагают... Смотри, майор, морячки пришли что надо, как бы нашему полку не отстать...

Так показал себя в первом же восьмисуточном бою Третий морской полк, только что сформированный из краснофлотцев, впервые сошедших с кораблей в десант. В непривычной обстановке, не умея ещё как надо применяться к местности, окапываться, вести разведку, держать связь, моряки показали образцы боевого напора, смелости и инициативы. Вперёд, только вперёд – вот лозунг, с которым они ринулись в бой.

И моряки шли вперёд «чёрной тучей», сметающей сопротивление, сеющей ужас и панику, шли, сшибая мотоциклистов и мчась дальше на их же машинах, сшибая кавалеристов

⁴ Узел – морская мера скорости, равная числу морских миль (1,87 км), пройденных в час.

⁵ Мажара – большая телега с решетчатыми боковыми стенками.

и громоздясь на трофейных коней. Дважды, трижды раненные, моряки не выходили из боя. Падали товарищи рядом – остальные шли вперёд, горя мстью, горя давней матросской яростью. К упавшим подползали санитары и под огнём вытаскивали раненых. Оставшиеся на ногах шли вперёд, в неизвестные и непонятные рощицы, посадки, в заросли кукурузы, в сожжённые и разграбленные деревни, шли, окружённые врагами, в самую гущу которых с фланга ворвалась с моря эта «чёрная туча»...

Так две ночи и день шёл через расположение врага Третий морской полк, пока не вышел на соединение с частями Приморской армии и с Первым морским полком полковника Осипова. Красноармейцы, увидев в кукурузе запалённые и обожжённые боем чёрные фигуры, встретили их радостными криками: «Ура! Моряки!...»

С осиповцами встреча вышла более любопытной.

Трое разведчиков Третьего полка, пробираясь на второй день по кукурузе, заметили в ней шевеление. Они присмотрелись и увидели шесть человек в камуфлированных плащ-палатках. Румынские автоматы торчали из-под вражеского этого одеяния. Разведчики шёпотом посоветовались: шестеро, а может, там ещё кто притаился?.. Но проверить надо, на то и разведка.

Моряки, наклонив штыки, выскочили из кукурузы и кинулись через прогалину во весь рост.

– Сдавайтесь, руманешти! Моряки идут!.. Матрозен, матрозен!..

Из кукурузы охотно выскочила фигура в румынской плащ-палатке. Она кинула автомат и раскрыла руки, как для объятия. Моряки на бегу переглянулись: сдаётся, факт!.. И вдруг «румын» закричал на русском языке:

– Славному Третьему морскому полку ура!

И кукуруза подхватила «ура!», и из-за шуршащих стеблей выскочили ещё люди в румынских плащах, и трудно было понять, кто кого «брал в плен», так переплелись дружеские объятия. Связь между двумя полками морской пехоты, разделёнными врагом, была установлена.

Когда первый восторг встречи улёгся, моряки Первого полка спросили:

– Чего же вы, орлы, на нас кинулись? Ох и напугали, вот напугали...

– А чёрт вас догадал так обрядиться, – недовольно сказали моряки Третьего полка. – Мы же вас вполне пострелять могли. Хорошо, что на штык вас решили взять, а то бы подырявили пулями...

– Да мы вас уже полчаса в кукурузе рассматриваем, – ответили «старички»-осиповцы. – Бушлатики, товарищи, поснимать придётся. Война здесь другая... А что втроём в атаку кидаетесь – это по-нашему, по-осиповски. Значит – сдружимся.

И через несколько дней краснофлотцы Третьего морского полка научились и окапываться поглубже, и в разведку незаметно ходить, и прикрывать чёрную матросскую робу защитной гимнастёркой или плащом. Одному не изменили новые бойцы: верности флотским традициям, идущим от «Потёмкина», от штурма Зимнего дворца, от давних боёв на Урале, Перекопе, Волге и Донбассе, – мужеству, напору, верности Родине, готовности быть всегда и всюду первыми.

И грозное слово «чёрная туча», родившееся в исторической обороне Одессы, где на каждого советского воина приходилось не менее шести врагов, пошло гулять по фронтам Отечественной войны всюду, где навстречу врагу появлялись яростные и гневные полки морской пехоты.

1941

Разведчик Татьян

Знакомство наше было необычным. В свежий октябрьский день, когда яркое одесское солнце обманчиво сияет на чистом небе, а ветер с севера гонит сухую пыль, разговаривать на воздухе было неуютно. Поэтому моряки-разведчики пригласили зайти в хату. Мужественные лица окружили меня – загорелые, обветренные и весёлые. В самый разгар беседы вошли ещё двое разведчиков.

Оба были одеты до мелочей одинаково: оба в новеньких кителях и защитных брюках, заправленных в щегольские сапоги, в кокетливых пилотках, и оба были обвешаны одинаковым числом ручных гранат, пистолетов, фонарей, запасных обойм. Но если на гигантской фигуре одного такой арсенал выглядел связкой мелких брелоков, то второго этот воинственный груз покрыл сплошной позвякивающей кольчугой: один из разведчиков был вдвое выше другого.

Видимо, мой любопытный взгляд смутил маленького разведчика. Нежные его щёки, ещё налитые свежестью детства, зарделись, длинные ресницы дрогнули и опустились, прикрывая глаза.

– Воюешь? – сказал я, похлопывая его по щеке. – Не рано ли собрался? Сколько тебе лет-то?

– Восемнадцать, – ответил разведчик тонким голоском.

– Ну?... Прибавляешь небось, чтоб не выгнали?

– Ей-богу, восемнадцать, – повторил разведчик, подняв на меня глаза. В них не было ни озорства, ни детского любопытства мальчика, мечтающего о приключениях войны. Внимательные и серьёзные, они знали что-то своё и смотрели на меня смущённо и выжидающе.

– Ну ладно, пусть восемнадцать, – сказал я, продолжая ласково трепать его по щеке. – Откуда ты появился, как тебя – Ваня, что ли?

– Та це ж дивчина, товарищ письменник!⁶ – густым басом сказал гигант. – Татьяна с-под Беляевки.

⁶ Так это же девушка, товарищ писатель! (укр.)

Я отдёргнул руку, как от огня: одно дело трепать по щеке мальчишку, другое – взрослую девушку. И тогда за моей спиной грянул взрыв хохота.

Моряки смеялись. Казалось, все звуки смеха собрались в эту хату, сотрясая её, и откуда-то сверху их заглушал мощный басистый гул, рокочущий, как самолёт: это под самым потолком низкой избы хохотал гигант, вошедший с девушкой. Он смеялся истово, медленно, гулко, чрезвычайно довольный недоразумением, посматривая вниз на меня, пока не рассмеялся и я.

– Не вы первый! – сказал гигант, отдышавшись. – Её все за парня считают. А что, хлопцы, нехай она будет у нас Татьян – морской разведчик!

...Татьяна была дочерью колхозника из Беяевки, захваченной теперь румынами. Отец её ушёл в партизанский отряд; она бежала в город. Ей поручили вести моряков-разведчиков в родную деревню, и в этом первом трёхсуточном походе по тылам врага и зародилась дружба. Девушка пришлась морякам по душе. Смелая, выносливая, осторожная и хитрая, она водила моряков по деревням и хуторам, где знала каждый тын, каждый кустик, прятала их по каменистым местам, находила тайные колодцы и, наконец, когда путь, которым они прошли в тыл врага, был отрезан, вывела разведчиков к своим через лиман.

Первое время она ходила в разведку в цветистом платье, платочке и тапочках. Но днём платье демаскировало, а ночи стали холоднее, и моряки одели её в то странное смешение армейской и флотской формы, в котором щеголяли сами, возрождая видения Гражданской войны. Две противоположные силы – необходимость маскировки и страстное желание сохранить флотский вид, – столкнувшись, породили эту необыкновенную форму.

Впрочем, тапочки у девушки остались: флотская ростовка обуви не предусматривала такого размера сапог.

В таком же тяжёлом положении скоро оказался и Ефим Дырщ – гигант комендор с «Парижской коммуны»⁷. Его ботинки сорок восьмого размера были вконец разбиты, и огромные его ноги были запряганы в калоши, хитроумно прикреплённые к икрам армейскими обмотками. Накануне моего появления секретарь обкома партии, услышав об этом двойном бедствии, прислал громадные сапоги специального пошива, в которые, как в футляр, были вложены другие, крохотные, и заодно два комплекта армейского обмундирования по росту. Ефим и «Татьян» теперь стали похожи, как линейный корабль и его модель, только очень хотелось уменьшить в нужном масштабе гранаты и пистолеты, подавлявшие маленькую фигурку девушки.

Они не были декорацией. Не раз Татьяна, поднявшись на цыпочки, швыряла в румынского пулемётчика гранату, и не одна пуля её трофейного парабеллума нашла свою цель. Своим южным певучим говорком она рассказала мне, что видела в Беяевке перед побегом, и ясные её глаза темнели, и голос срывался, и ненависть к врагу, вскипавшая в ней, заставляла забывать, что передо мной девушка, почти ребёнок.

Она не любила говорить на эту тему. Чаще, забравшись на сено в буйный круг моряков, она шутила, пела весёлые песни и частушки. В первые недели её бойкий характер ввёл кое-кого из разведчиков в заблуждение. Разбитной сигнальщик с «Сообразительного» – бывший киномеханик, районный сердцеед – первым начал атаку. Но в тот же вечер Ефим Дырщ отозвал его в сторону и показал огромный кулак.

– Оце бачив?⁸ – спросил он негромко. – Що она тебе – зажигалка или боец? Кого позоришь? Отряд позоришь... Щоб ты мне к такой дивчине подходил свято. Понятно? Повтори!

Но для других такого воздействия не требовалось. Буйная и весёлая ватага моряков, каждую ночь играющая со смертью, несла девушку по войне в сильных своих и грубоватых паль-

⁷ «Парижская коммуна» – линкор Черноморского флота, переименованный к концу войны в «Севастополь».

⁸ Вот это видел? (укр.)

цах бережно и нежно, как цветок, оберегая её от пуль и осколков, от резких солёных шуток, от обид и приставаний.

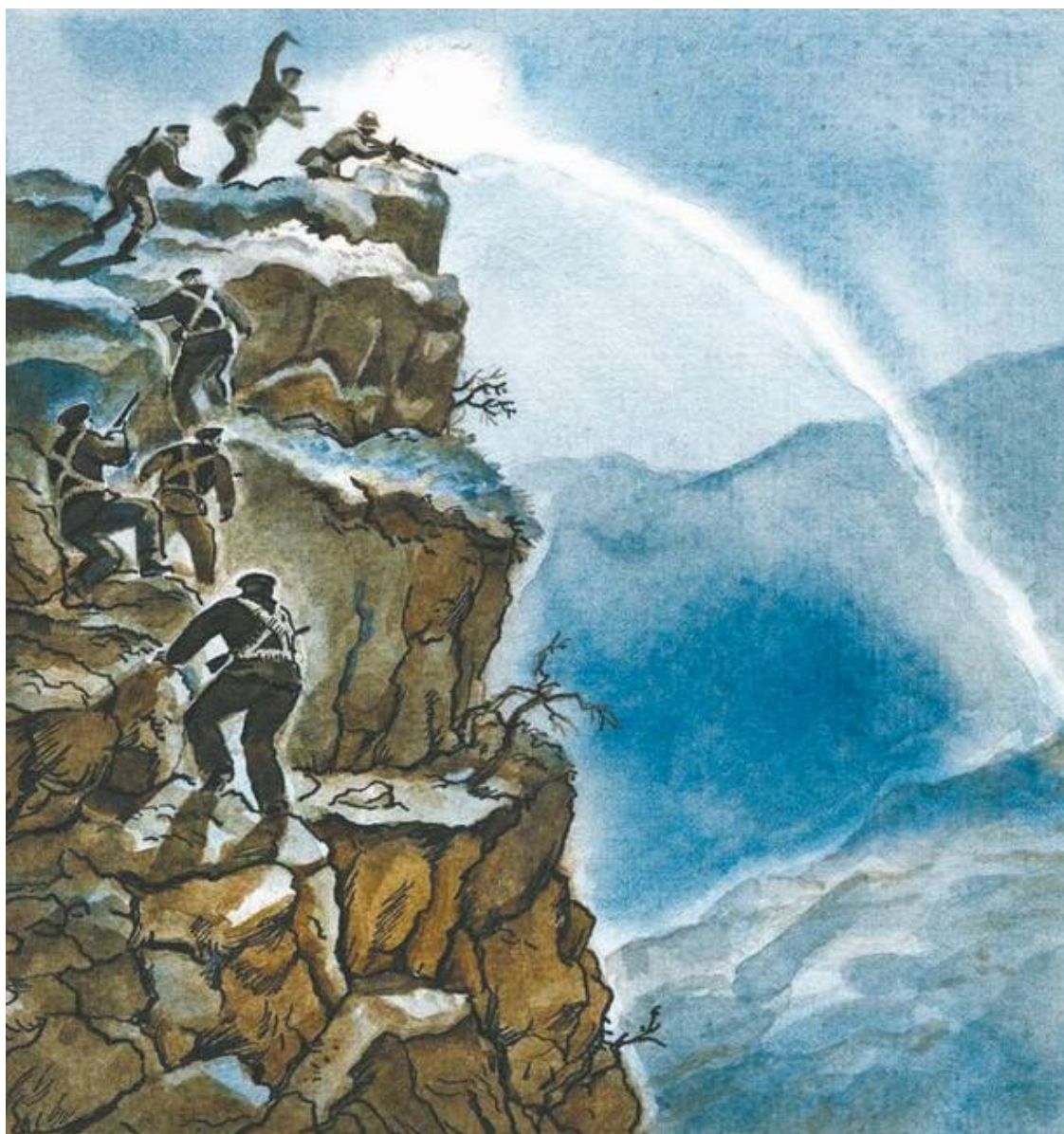
В этом, конечно, был элемент общей влюблённости в неё, если не сказать прямо – любви. Перед призраком смерти, которая, может быть, вот-вот его настигнет, человек ищет сердечного тепла. Холодно душе в постоянной близости к смерти, и она жадно тянется к дружбе, к любви и привязанности. Сколько крепких мужских объятий видел я в серьёзный и сдержанный миг ухода в боевой полёт, в море или в разведку. Я видел и слёзы на глазах отважных воинов, слёзы прощания – гордую слабость высокой воинской души. Блеснув на ресницах, они не падают на палубу, на траву аэродрома, песок окопа – подавленные волей, они уходят в глаза и тяжёлыми, раскалёнными каплями падают в душу воина, сушат её и ожесточают для смертного боя. Любовь переходит в ненависть к врагу, дружба – в ярость, нежность – в силу. Страшны военные слёзы, и горе тем, кто их вызвал.

Ночью после беседы разведчики ушли в набег, а утром я увидел такие слёзы: Татьяна не вернулась.

На линии фронта разведчики наткнулись на пулемётное гнездо, расположенное на вершине крутой скалы. Пулемёт бил в ночь откуда-то сверху, и подобраться к нему сбоку было невозможно. Моряки полезли на скалу, приказав Татьяне дожидаться их внизу.

Видимо, пулемётчик распознал в темноте разведчиков, карабкающихся по скале: пули щёлкали всё ближе – румын водил пулемётом по склону. Вдруг справа внизу ярко вспыхнул огонь. Ракета прорезала тьму, направляясь на вершину скалы, за ней вторая, третья. Моряки ахнули: ракетница была у Татьяны. Очевидно, девушка решила помочь друзьям испытанным способом – пуская румыну в глаза ракету за ракетой, чтобы ослепить его. Но это годилось только тогда, когда пулемёт был близко и когда другие могли успеть подскочить к нему с гранатами. Сейчас Татьяна была обречена.

Словно вихрь поднял моряков на ноги. В рост они кинулись вверх по скале, торопясь придавить румына, пока он не нащупал Татьяну по ярким вспышкам её ракет. Теперь все пули летели к ней, отыскивая того, кто сам выдавал себя во тьме. Ярость придала морякам силы, и через минуту румын хрипел со штыком в спине. Люди поползли вниз, поражаясь сами, как могли они в горячке сюда забраться. Обыскали в темноте весь склон, но Татьяны нигде не было.

Бешеный огонь пулемёта разбудил весь передний край. Поднялась беспорядочная стрельба, потом забухали орудия.

Спрятаться на день здесь было негде: со скалы просматривалась вся местность. Где-то под скалой была каменоломня, но вход в неё могла отыскать только сама Татьяна. Начало светать, надо было уходить.

День прошёл мучительно. Этой ночью Ефим Дырц был в другой операции. Теперь он сидел, смотря перед собой в одну точку. Огромные руки его с хрустом сжимались, он обводил всех глазами и хрипло говорил:

– Яку дивчину загубили... Эх, моряки...

Потом он вставал и шёл к капитану с очередным проектом вылазки и там сталкивался с другими, пришедшими с тем же. Солнце пошло к закату, когда, выйдя из хаты, я увидел Ефима одного в садике. Он сидел уткнув голову в колени, и громадное его тело беззвучно сотрясалось. Может быть, следовало оставить его одного: человеку иногда легче с самим собой. Но скорбь этого гиганта была страшна, и я подсел к нему.

Он поднял лицо. Плакал он некрасиво, по-ребячьи размазывая кулаком слёзы и утирая нос. Он обрадовался мне как человеку, которому может высказать душу. Мешая украин-

скую речь с русской, находя нежные, необыкновенные слова, обнажая свою любовь – целомудренную, скромную, терпеливую, он говорил о Татьяне. Он вспоминал её шутки, её быстрый взгляд, её голос – и передо мной, как раскрывающийся цветок, вставала Татьяна-девушка, так не похожая на «разведчика Татьяна», – нежная, женственная, обаятельная и робкая. И казалось непонятным, что это именно она приняла на себя ночью пулемётный огонь, помогая морякам добраться до вершины скалы.

Он хотел знать, что она жива и будет жить. Всё, что он берёт в себе, чтобы не нарушить боевой дружбы, теперь вылилось в страстной исповеди. Он ничего никогда не говорил Татьяне, «щоб не путать дивчине душу, нехай пока воюет», он нёс свою любовь до победы, когда «Татьян» снова будет Таней. Но мечта была в нём горячим ключом, и он видел хату на Днепропровине, Татьяну в ней, и счастье, и лунные ночи в саду, и бешеный пляс на свадьбе...

Его позвал голос капитана. Ефим встал и пошёл твёрдой походкой в хату.

В сумерки он с пятью разведчиками ушёл к скале. Мы ждали его без сна.

Утром разведчики вернулись, принесли Татьяну. Оказалось, её ранило в грудь, и она, теряя сознание, доползла до входа в каменоломню и там пролежала весь день. К вечеру она очнулась. У входа в глубоких сумерках копошились тени и слышался чужой говор. Она начала стрелять. Сколько времени она держала ход в штольню, она не знает. Она была по каждой тени, появлявшейся у входа. Патроны кончались. Она отложила один – для себя. Потом она услышала взрыв у входа и снова потеряла сознание.

Взрыв был первой гранатой Ефима Дырца. Пробираясь к скале, он услышал стрельбу и, обогнав остальных разведчиков, ринулся туда, ломая кусты, как медведь, в смелой и страшной ярости. Сверху по нему стал бить автоматчик. Ефим встал во весь рост, чтобы рассмотреть, что происходит под навесом скалы. Там виднелся чёрный провал, вход в каменоломню, и возле него – три-четыре трупа и десяток живых румын, стрелявших в провал. Он метнул гранату, вторую, третью, размахнулся четвёртой – и тут пули автоматчика раздробили ему левое бедро, впились в бок и в руку. Он упал и, медленно сползая к краю обрыва, схватился за траву.

Теперь, когда его принесли на носилках, в могучих его пальцах белел цветок, зажатый им в попытке удержаться на склоне.

Он поднял на меня мутнеющий взгляд:

– Колы помру, мовчите... Не треба ей говорить, нехай про то не чуе...⁹ Живой буду – сам скажу.

Он закрыл глаза, и разведчики с трудом подняли носилки с тяжёлым телом комендора с «Парижской коммуны».

1942

⁹ Если умру, молчите... Не нужно ей говорить, пусть про то не знает... (укр.)

Батальон четверых

Этот бой начался для Михаила Негребы прыжком в темноту. Вернее – дружеским, но очень чувствительным толчком в спину, которым ему помогли вылететь из люка самолёта, где он неловко застрял, задерживая других.

Он пролетел порядочный кусок темноты, пока не решился дёрнуть за кольцо: это был его первый прыжок, и он опасался повиснуть на хвосте самолёта.

Парашют послушно раскрылся, и если бы Негреба смог увидеть рядом своего друга Королёва, он подмигнул бы ему и сказал: «А всё-таки вышло по-нашему!»

Две недели назад в Севастополе формировался отряд добровольцев-парашютистов. Ни Королёв, ни Негреба не могли, понятно, упустить такого случая, и оба на вопрос, прыгали ли они раньше, гордо ответили: «Как же... в аэроклубе – семь прыжков». Можно было бы для верности сказать – двадцать, но тогда их сделали бы инструкторами, что, несомненно, было бы неосторожностью; достаточно было и того, что при первой подгонке парашютов обоим пришлось долго ворочать эти странные мешки (как бы критикуя укладку на основании своего опыта) и косить глазом на других, пока оба не присмотрелись, как же надо надевать парашют и подгонять лямки.

Однако всё это обошлось, и теперь Негреба плыл в ночном небе, удивляясь его тишине. Сюда, в высоту, оружейная стрельба едва доносилась, хотя огненное кольцо залпов поблёскивало вокруг всей Одессы, а с моря били корабли, поддерживая высадку десантного морского полка (с которым должны были соединиться парашютисты, пройдя с тыла ему навстречу). В городе кровавым цветком распускался большой, высокий пожар. Там же, где должен был приземлиться Негреба, было совершенно темно.

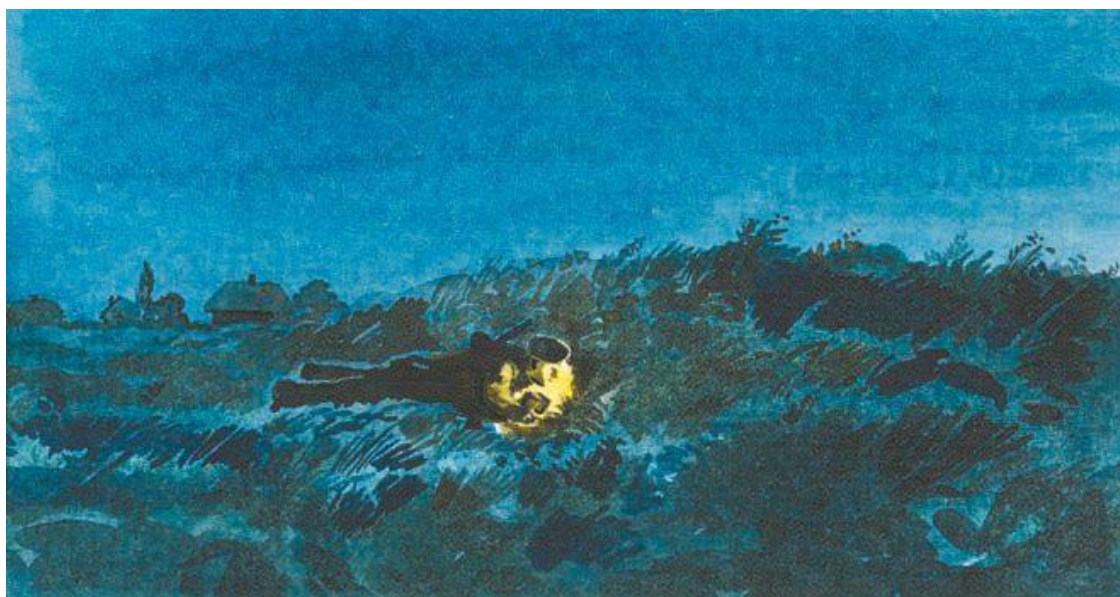
Впрочем, вскоре и там он различил огоньки. Было похоже, будто смотришь с мачты на бак линкора, где множество людей торопливо докуривают папиросы, вспыхивая частыми затяжками. Это и была линия фронта, и сесть следовало за ней, в тылу у румын. Он потянул лямки, как его учили, и заскользил над боем вкось.

Видимо, он приземлился слишком далеко от боя, потому что добрый час полз в темноте, никого не встречая. Внезапно что-то схватило его за горло, и он с размаху ударил в темноту кинжалом. Но это оказалось проволокой связи. Негреба вынул из мешка кусачки и перекусил

её в нескольких местах, ползя вдоль неё. Тут ему пришло в голову, что проволока может привести к румынской части, где можно устроить порядочный аврал огнём из автомата.

Через час проволока привела в бурьян. Всмотревшись в рассветную мглу, Негреба увидел трёх коней и поодаль часового. Кони, почуяв человека, захрапели, и пришлось долго выжидать, пока они привыкнут.

За это время Негреба надумал, что можно снять часового, вскочить на коня и помчаться по деревне, постреливая из автомата. Он медленно пополз к часовому, держа в левой руке автомат, в правой – кинжал. Именно эта правая рука провалилась на ползке в непонятную яму и тотчас уперлась во что-то мягкое. Его кинуло в жар, и он замер на месте. Откуда-то из-под земли шли громкие голоса.

Наконец он понял: мягкое и упругое препятствие оказалось одеялом, закрывавшим отдушину погреба. Там слышался чужой говор, звенели шпоры, стучала пишущая машинка. Негреба осторожно прорезал кинжалом дырку и заглянул в погреб. Очевидно, это был штаб батальона, может быть, полка. Румынские офицеры сгрудились у стола за картой, по которой им что-то раздражённо показывал черноусый и давно не бритый пожилой офицер. В углу на корточках сидели телефонисты. Они подозвали одного из офицеров, и тот начал кричать в трубку. Негреба под этот шум вынул из сумки гранату. Одной ему показалось мало. Когда в подвале снова начался громкий говор, он достал вторую, потом третью и связал их вместе. Он собрался было кинуть их в отдушину, но тут зацокали копыта, и к погребу подскакали ещё двое. Негреба дал им войти и тотчас же похвалил себя за это: все офицеры в подвале вытянулись и встали «смирно» – очевидно, один из вошедших был большим начальником. Негреба швырнул гранаты в отдушину и кубарем покатился в бурьян. Часовой крикнул, но в подвале грянуло и рвануло, и часовой исчез неизвестно куда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.